

ДОКТРИНА АБСОЛЮТНОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ПРАВЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ

Эдгар Мейроян

Аспирант Российско-Армянского Университета

Доктрина абсолютного территориального суверенитета, в общих чертах, предусматривает, что государство бассейна может свободно использовать воды, находящиеся на своей территории, без какого-либо учета прав пограничных государств или государств ниже по течению. Теория абсолютного территориального суверенитета связана главным образом с «доктриной Хармона». Эта доктрина получила свое название от заключения, высказанного в конце девятнадцатого века американским генеральным прокурором во время одного из споров между США и Мексикой по поводу использования вод реки Рио-Гранде. В частности, Госсекретарь США направил протест Мексики Генеральному Прокурору для заключения относительно того, нарушает ли извлечение воды в США права Мексики в соответствии с принципами международного права. Генеральный Прокурор Джадсон Хармон, утверждая абсолютное право США извлекать воды из Рио-Гранде, заявил:

«Тот факт, что в Рио-Гранде есть нехватка воды, которой недостаточно для использования жителями обеих стран, не дает Мексике право вводить ограничения в отношении Соединенных Штатов, которые будут препятствовать развитию ее территории и лишать ее жителей преимущества, которое природа наделила на них и которое полностью находится на ее территории. Признание такого принципа полностью противоречило бы принципу, согласно которому Соединенные Штаты имеют полный суверенитет над своими природными ресурсами».¹

Хармон далее отметил, что вопрос касательно того, должны ли Соединенные Штаты «предпринять какие-либо действия из соображений вежливости ... должен решаться только как вопрос политики, поскольку на мой взгляд, нормы, принципы и прецеденты международного права не налагают ответственности или обязательств на Соединенные Штаты».²

Таким образом, Хармон в своем заключении Государственному Департаменту сообщил, что Соединенные Штаты не несут ответственности за существенное сокращение воды в Рио-Гранде, которое нанесло и могло далее нанести ущерб мексиканскому государству.

Тем не менее, как верно отмечает профессор МакКаффри в своем детальном анализе доктрины Хармона, есть некоторые важные факторы, которые необходимо учесть для более всеобъемлющего понятия причин, которые ответственны за развитие теории такого рода. Во-первых, из-за неразвитости права в девятнадцатом веке, особенно в области трансграничных водных ресурсов, было вполне естественно использовать такую аргументацию, будь то в качестве

¹ P. Birnie and A. E. Boyle, *International Law and the Environment* (Clarendon Press, Oxford, 1992), at 218; M. Fitzmaurice and O. Elias, *Watercourse Co-operation in Northern Europe – A Model for the Future* (TMC Asser Press, The Hague, 2004) at 12.

² J. Bruhacs, *The Law of Non-Navigational Uses of International Watercourses* (Martinus Nijhoff, Dordrecht, 1993), at 43.

объективной консультации или же для переговоров с другими правительствами.¹ А во-вторых, как уже отмечает профессор Смит, «позиция [Хармона], по-видимому, была всего лишь предостережением обычного адвоката, который полон решимости не допускать ни одной точки зрения другой стороне».²

Однако, для нынешних целей следует отметить, что в конечном итоге спор между сторонами был урегулирован с подписанием Конвенции 1906 года о Справедливом Распределении Вод Реки Рио-Гранде, нормы которого более соответствуют принципу справедливого использования, нежели абсолютистским соображениям, и что в свою очередь показывает, что Соединенные Штаты, в конечном итоге, взяли другой курс решения споров по трансграничным водным ресурсам, нежели тот, который был предложен Генеральным Прокурором Хармон.

В дополнение к вышесказанному, отметим, что очень скоро после представления Заключения Хармона Федеральный Верховный Суд США в деле *United States v. Rio Grande Dam & Irrigation Co.*³ принял позицию, противоречащую доктрине Хармона, а Государственный Департамент США, вместе с правительством Мексики, поручил Международной Пограничной Комиссии, учрежденной в 1889 году, установить факты и доложить о «наилучшем и наиболее осуществимом способе ... такого регулирования использования вод указанной реки, чтобы обеспечить каждому соответствующему государству и его жителям их законные и равноправные права и интересы по отношению указанных вод».⁴

Продолжая далее наш анализ по поводу обоснованности и возможного признания доктрины абсолютного территориального суверенитета со стороны других государств, ниже рассмотрим практику некоторых других стран по этому вопросу.

Несмотря на то, что правовая литература отмечает, что некоторые государства, такие как, Индия, Австрия, Чили и Эфиопия, порой ссылались на рассматриваемую доктрину, тщательное изучение практики этих государств, однако, показывает, что даже эти государства, которые по видимости полагались на теорию абсолютного территориального суверенитета в своих дипломатических переговорах, не действовали согласно этой идеологии.

Так, например, договор между Индией и Пакистаном о Водах Инда 1960 года разрешил давний спор между двумя странами. На определенной стадии спора, Индия отстаивала свою «полную свободу» в отношении использования вод Инда.⁵ На другой, она приняла позицию, согласно которой «оба [государства] обладают полной и исключительной юрисдикцией в отношении управления, контроля и использования природных вод, находящихся на их территориях».⁶ Пакистан, в свою очередь, охарактеризовал позицию Индии как наносящую удар по «самому корню права Пакистана на историческую, правовую и справедливую долю в общих реках».⁷ Ввиду этого, Пакистан предложил созвать конференцию с целью установления «справедливого распределения» вод между двумя странами. И несмотря на то, что стороны отстаивали свои правовые позиции, Договор

¹ S. McCaffrey, *The Law of International Watercourses* (OUP, Oxford, 2007), at 113.

² H. A. Smith, *The Economic Uses of International Rivers* (King & Son Ltd., London 1931), at 42.

³ *United States v. Rio Grande Dam & Irrigation Co.*, 174 US 690 (1899).

⁴ Выше с. 3, стр. 93.

⁵ См.: R. Baxter, "The Indus Basin", in A. H. Garretson, R. D. Hayton and C. J. Olmstead (eds), *The Law of International Drainage Basins* (Oceana, New York, 1967) 443, at 453.

⁶ Там же, at 456.

⁷ Выше с. 3, стр. 117.

1960 года был охарактеризован как справедливое распределение вод Системы Инда.

Аналогичным образом, в связи со спором о строительстве платины Фаракка на реке Ганг, в 11 милях вверх по течению от границы с Бангладеш, Индия в конечном итоге заявила о своей общей позиции Специальному политическому комитету Генеральной Ассамблеи ООН относительно отрицания доктрины Хармона и подтвердить, что «Индия, со своей стороны, всегда поддерживала мнение о том, что каждое прибрежное государство имеет право на разумную и справедливую долю вод международной реки».¹ В результате, обе стороны фактически достигли консенсуса в форме Соглашения о Совместном Использовании Вод Ганги 1977 года. А спустя некоторое время, в 1996 году оба государства заключили новое соглашение, которое распределяет воду Ганги на период 30 лет.

Таким образом, очевидно, что правовая позиция Индии со временем эволюционировала, приобретая более рациональную позицию, основанную, *inter alia*, на рассмотрении прав и интересов другой стороны, тем самым отталкивая какие-либо абсолютистские подходы.

Представляется интересным также и практика Австрии. В литературе, в частности, отмечается, что изначально правительство Австрии тоже занимало позицию абсолютного территориального суверенитета в отношении международных водотоков, разделяемые между другими государствами. В особенности, по вопросу о развитии международных водотоков в ходе обсуждений с Баварией, Австрия заявила, что «В соответствии с правом о территориальном суверенитете водные пути находятся в полном распоряжении каждой страны на всем протяжении ее территории; ...».² Уместно отметить, однако, что в том же заявлении Австрия согласилась уведомить о любых планах касательно развития пересекающих водотоков и учесть возражения в отношении этих планов, независимо от того, были ли они выдвинуты на «правовых, технических или экономических основаниях».³

Кроме того, 25 мая 1954 года Австрия заключила соглашение с Югославией о водных проблемах на реке Драва, «особенно в целях предотвращения любых вредных последствий, связанных с режимом работы австрийских электростанций».⁴ Австрия также выплатила Югославии компенсацию за ущерб, причиненный действиями в Австрии, которые стали помехой для нормального течения вод Дравы.

Помимо рассмотрения вышеотмеченных позиций Австрии по использованию международных водотоков, представляется необходимым проанализировать решение Высшего Административного Суда Австрии от 1913 года, который был охарактеризован как «единственный судебный прецедент по результатам исследований, который может быть рассмотрен как поддерживающий абсолютный суверенитет над водами международной реки».⁵ Дело касалось возражений со стороны венгерских общин по поводу разрешения, выданного австрийскими

¹ UN GAOR, 31st Session, Special Political Committee, 21st Meeting, at 2-3.

² См. "Austrian Statement of Principles regarding Successive Rivers", in Economic Commission for Europe, *Legal Aspects of Hydro-Electric Development of Rivers and Lakes of Common Interest*, UN Doc. E.ECE./136 (1952), at 51.

³ Там же.

⁴ Convention between Yugoslavia and Austria concerning Water Economy Questions relating to the Drava, Preamble, 227 *UNTS* 128.

⁵ Выше с. 3, стр. 118.

властями одному австрийскому консорциуму.¹ По данному разрешению консорциум мог отводить значительные количества воды из реки Лайта, которая тогда образовала границу между Австрией и Венгрией. Однако, при внимательном рассмотрении дела выясняется, что на самом деле решение Суда не поддерживает доктрину абсолютного территориального суверенитета по нескольким причинам. Во-первых, Суд заявил, что поскольку он является «национальным австрийским судом, а не международным арбитражным судом, он не компетентен вынести решение» по правам Австрии и Венгрии в соответствии с международным обычным правом.² Во-вторых, Суд изложил позицию, согласно которой австрийские административные суды в аналогичных делах неоднократно повторяли, что австрийские административные органы имели компетенцию рассматривать только последствия, происходящие «на территории австрийского государства, а ... не ... права узуфруктуарий на иностранных водных путях ...».³ Здесь примечательно также отметить, что еще до того, как дело дошло до Высшего Административного Суда, «в содержании концессии были внесены изменения», в том числе и то, что «концессионеры были обязаны ... принять адекватные правозащитные меры для поддержания надлежащего водоснабжения ...».⁴

Таким образом, австрийские власти фактически приняли во внимание интересы Венгрии, находящейся ниже по течению. Их позиция, тем самым, также, как и решение Суда, не противоречит признанию обязательства одного государства не использовать воды в пределах своих границ таким образом, чтобы причинить вред другим государствам.

Продолжая далее наш анализ по абсолютному территориальному суверенитету в отношении международных водотоков, рассмотрим также ситуацию реки Маури, которая стала предметом спора между Чили и Боливией в начале 1920-х годов. Несмотря на то, что Чили придерживалась подхода абсолютного территориального суверенитета во время спора с Боливией по поводу реки Маури 1921 году, ее власти, как и в этом, так и в последующем конфликте с Боливией по поводу реки Лаука, предприняли меры для обеспечения того, чтобы рассматриваемые работы не нанесли значительного вреда территории Боливии или каким-либо образом нанесли ущерб ее интересам. Кроме того, в 1971 году Чили заключила соглашение с Аргентиной касательно водных ресурсов, которое предусматривало, *inter alia*, что «воды рек и озер всегда должны использоваться справедливым и разумным образом».⁵

И наконец рассмотрим практику Эфиопии, которая отмечается как государство «по-прежнему поддержива[ющее] доктрину Хармона», о чем свидетельствует серия кратких заявлений, сделанных ее министерством иностранных дел в 1978 году, где Эфиопия заявляет и сохраняет за собой «все права на эксплуатацию ее природных ресурсов».⁶ Эти заявления, однако, должны оцениваться с осторожностью, так как они были сделаны в пылу обменов между правительствами Египта и Эфиопии, когда Египет и Судан намеревались распределить все воды Нила между собой без участия какого-либо из других восьми государств бассейна Нила, включая Эфиопию. Согласно сообщениям египетских га-

¹ Decision of 1 March 1913, reported in Hartig, pp. 13-18.

² Выше с. 3, стр. 119.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Act of Santiago concerning Hydrologic Basins of 1971, para. 1.

⁶ См.: C. O. Okidi, "Legal and Policy Regime of Lake Victoria and Nile Basins" (1980) 20 *Indian Journal of International Law*, 395, at 440.

зет, «Египет не допустит эксплуатации вод Нила в политических целях, и ... он не потерпит никакого давления, которое может быть оказано на него...».¹ Ввиду этих сообщений и заявлений, позиция Эфиопии была принята в ответ на подобные поступки со стороны Египта. Эфиопия далее заявила, что Египет «никогда не проявлял дружбы и не стремился к сотрудничеству с Эфиопией, наоборот, демонстрировал враждебность к независимой Эфиопии во всех аспектах международного существования».² В свете сказанного, Эфиопия также напомнила, что Египет построил Асуанскую плотину, которая в большинстве зависела от вод Голубого Нила, при этом «даже не консультируясь с Эфиопией».³

Таким образом, если рассмотреть отношения между двумя государствами в более широком контексте, возможно, позиция Эфиопии вполне понятна. В то же время, важно признать, однако, что вышеотмеченные заявления со стороны Эфиопии не обязательно означают отказ от обязательств перед другими государствами ниже по течению в отношении использования международного водотока. Иначе говоря, государство имеет полное право использовать свои природные ресурсы. Однако, признать такое право отнюдь не означает признать, что при использовании таких ресурсов государство может причинить вред другим разделяющим их государствам. Аналогичным образом, Принцип 21 Стокгольмской Декларации по Проблемам Окружающей Человека Среды, закрепляет, что «... государства имеют *суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы* согласно своей политике в области окружающей среды и *несут ответственность за обеспечение того*, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля *не наносила ущерба* окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции»⁴ [подчеркнуто автором]. Отметим также, что в настоящее время Эфиопия и Египет, наряду с другими странами бассейна Нила, участвуют в процессе формирования рамок сотрудничества.

Таким образом, выше анализированная практика государств показывает потенциальную опасность поспешных выводов, основанных на отдельных заявлениях без учета того контекста, в котором они были сделаны, и без тщательного изучения их юридического значения.

Что же касается поддержки среди публицистов относительно данной доктрины, профессор Бербер перечисляет девять авторов, которых он характеризует как поддерживающих принцип абсолютного территориального суверенитета.⁵ Однако, при тщательном анализе, МакКаффри отмечает, что большинство из них высказали свои позиции еще до того, как несудоходные виды использования международных водотоков приобрели большое значение, что, «возможно, привело их к тому, что они не смогли полностью оценить серьезный экологический, экономический и другой ущерб ... , которые могли быть результатом крупномасштабных отводов или загрязнений».⁶ Поразительно еще то, что этот список содержит публицистов, происходящих только из четырех стран: Австрии, Германии, Канады и Соединенных Штатов, все из которых являются странами, расположенными вверх по течению, по крайней мере, по отношению к некоторым из своих

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Стокгольмская Декларация по Проблемам Окружающей Человека Среды 1972 года, Принцип 21.

⁵ **F. J. Berber**, *Rivers in International Law* (Stevens & Son, London, 1959) at 15-19.

⁶ Там же, at 126.

соседей. Кроме того, многие из этих авторов, «похоже, основывают свои позиции больше на абстрактной логике, принимая суверенитет государства в качестве основной предпосылки, нежели на реальной государственной практике – техника, которую Смит критиковал в своей весьма почитаемой работе 1931 года».¹

На сегодняшний день, пожалуй, можно сказать, что доктрина абсолютного территориального суверенитета не поддерживается со стороны ученых. Примечательно отметить, что, на самом деле, даже ряд прежних работ отказывались от идеологии этой доктрины. Для примера достаточно привести первое издание классического трактата Оппенхайма по международному праву, опубликованное в 1905 году, всего через десять лет после того, как Хармон провел свое исследование. Оппенхайм, в частности, отмечает:

«Как и независимость, территориальное превосходство не дает безграничной свободы действий. Таким образом, в соответствии с обычным международным правом ... государству, несмотря на его территориальное превосходство, не разрешается изменять природные условия своей собственной территории в ущерб природным условиям территории соседнего государства, например, прекращать или отводить поток реки, которая течет из своей собственной в соседнюю территорию».²

Таким образом, подводя итог, отметим, что из проведенного анализа государственной практики и взглядов публицистов, мы приходим к выводу, что, хотя теория абсолютного территориального суверенитета время от времени напоминала о своем существовании, она редко, если когда-либо, находила свое отражение в решениях фактических споров. И легко понять, почему эта доктрина не отмечается в решениях реальных споров, поскольку «решение», опирающееся на такой доктрине, было бы, по словам профессора Бербера, «основано на индивидуалистической и анархической концепции международного права, где личные и эгоистические интересы поднимаются до уровня руководящих принципов, и не предлагается никакого решения для конфликтующих интересов прибрежных государств».³

ԲԱՑԱՐՁԱԿ ՏԱՐԱԾՔԱՅԻՆ ԻՆՔՆԻՇՆԱՆՈՒԹՅԱՆ ԴՌԿՏՐԻՆԸ ԱՆԴՐՍԱՀՄԱՆԱՅԻՆ ԶՐԱՅԻՆ ՌԵՍՈՒՐՍՆԵՐԻ ԻՐԱՎՈՒՆՔՈՒՄ

Էդգար Մեյրոյան

Հայ-ռուսական համալսարանի ասպիրանտ

Սույն հոդվածը դիտարկում է անդրսահմանային ջրային ռեսուրսների իրավունքում առաջին դոկտրինալ մոտեցումներից մեկը, այն է՝ բացարձակ տարածքային ինքնիշխանության դոկտրինը: Ինչպես երևում է անվանումից, դոկտրինը ըստ էության կրում է բացարձակ բնույթ, ինչը արտասովոր է, քանի որ առաջին հերթին, մենք գործ ունենք կյանքի համար կարևոր և ընդհանուր բնական ռեսուրսի հետ, իսկ մյուս կողմից՝ որ իրավունքում առհասարակ բացարձակ կատեգորիաների կիրառումը չի կարող դիտվել խելամիտ կամ տեղին:

¹ Выше с. 4, at 4-13.

² L. Oppenheim, *International Law* (Longmans, Green & Co., London, 1905), at 175.

³ Выше с. 25, at 14.

Հաշվի առնելով նշվածը, նման դոկտրինի գոյությունը ինքին պահանջում է խորը ուսումնասիրություն՝ պարզելու համար, թե արդյոք այն իրավաբանորեն հիմնավորված է և արդյոք նշված դոկտրինը արտացոլում է *opinio juris*՝ հաշվի առնելով այն պետությունների պրակտիկան, որոնք կիրառում են այս դոկտրինը:

Առաջադրված հարցերը ուսումնասիրելու նպատակով հողվածի հեղինակը, մասնավորապես, ուսումնասիրում է պետությունների պրակտիկան այս դոկտրինալ մոտեցման առնչությամբ, ինչպես և համապատասխան միջազգային պայմանագրերը և տարբեր դատական որոշումները, ինչպես նաև գիտական տեսակետերը այս հարցի շուրջ:

THE DOCTRINE OF ABSOLUTE TERRITORIAL SOVEREIGNTY IN THE LAW OF TRANSBOUNDARY WATER RESOURCES

Edgar Meyroyan

PhD student at Russian-Armenian University

This article discusses one of the first doctrinal approaches in the law of transboundary water resources, that is, the doctrine of absolute territorial sovereignty. As can be seen from its denomination, the doctrine carries essentially an absolute character, which is unusual, considering, on the one hand, that we are dealing with a vital and shared natural resource, and on the other, the use of absolute categories in law is not seen as reasonable or appropriate.

Considering the above, the very existence of such a doctrine requires a thorough analysis with the purpose of determining whether it is legally substantiated in general, and whether there is a possibility for such a doctrine to have crystallized into *opinio juris* considering the practice of a number of States that support it.

For the purpose of studying the questions of concern, the author of the article, in particular, analyses the relevant State practice regarding the said doctrine, along with the relevant international instruments and judicial decisions of different instances, and various scholarly views on this topic.

Բանալի բառեր բացարձակ տարածքային ինքնիշխանություն, Հարմոնի դոկտրին, տարածքային ինքնիշխանություն, գետ:

Ключевые слова: абсолютный территориальный суверенитет, доктрина Хармона, территориальный суверенитет, река.

Key words: absolute territorial sovereignty, the Harmon doctrine, territorial sovereignty, river.